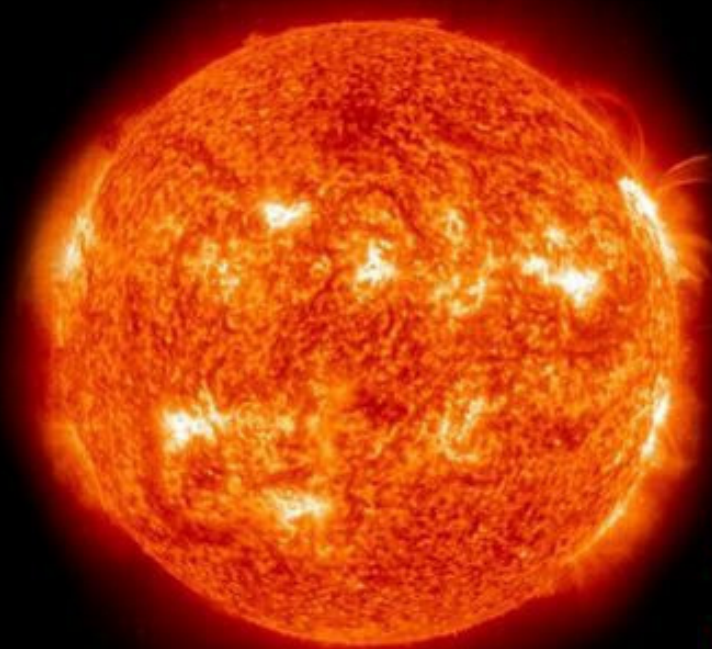

18+

Александр Волог

ДАР

A hand in a white sleeve holds a stream of bright yellow and orange fire, which flows downwards. The background is black.

поэтическая
фантастика

Александр Волог

ДАР. Поэтическая фантастика

«Издательские решения»

Волог А.

ДАР. Поэтическая фантастика / А. Волог — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510335-2

Это шестая книга автора. В книге собраны произведения поэтической фантастики: баллады, легенды, притчи, мифы, фантазии, сказки, поэмы.

ISBN 978-5-00-510335-2

© Волог А.
© Издательские решения

Содержание

Дар	6
АННОТАЦИЯ	6
Дар	7
БАЛЛАДЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПРИТЧИ	8
Баллада о глиняной девушке	8
Баллада о якорю спасения	11
Баллада утёса	13
Баллада о плотях	15
Баллада о голавле	17
Баллада о том, как я ходил к чёрту	20
Баллада о мятежной корове	22
Притча про Остров Блаженных	23
Притча о разделении властей	25
Притча о мрачном скоморохе	26
Притча Диогена	28
Притча о человеке, носившем дверь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ДАР

Поэтическая фантастика

Александр Волог

© Александр Волог, 2020

ISBN 978-5-0051-0335-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дар Поэтическая фантастика

АННОТАЦИЯ

БАЛЛАДЫ. ЛЕГЕНДЫ. ПРИТЧИ.
СКАЗКА ПРО СОЛДАТСКИЙ РАЙ.
СВЯЗЬ. Поэма.
ПЕРЕСАДКА. Поэма.
ПРОРВА. Драматическая фантазия.

ДАР

Нет, я не похищал огонь
Ненаблюдаемых богов!
Воришкой мелким, право, зря
Представлен я в календарях.

Я помню: хлынула беда,
О жалости стонала ночь...
Огонь – от мысли и труда,
И от желания помочь.
Нет, я не похищал его,
То было бы совсем легко.
Я иссекал, сверлил и тёр —
И запылал в ночи костёр!
Кормил его – щека в золе,
И дума думалась одна —
Как зверски было б на земле,
Когда бы не было огня!

Вот он – защита и тепло,
И вам в его кругу светло.

Но в нём всегда готов прыжок,
И спит пожар, и скрыт ожог.
Неосторожностью не тронь!
Опасен. Дик. Необходим.

Итак, я вам дарю
Огонь.
Но
что вы сделаете с ним?

БАЛЛАДЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПРИТЧИ

Баллада о глиняной девушке

1

Ваятель сырую глину взял
И в пальцах сильных её размял.
И комья влажной плоти земли
В руках его формы свои обрели.
Стал стройною девушкой глины комок.
Лишь душу ей мастер дать не мог,
Лишь сердце в неё не сумел вложить.
А как же без сердца девушке жить?
Он четверо суток и ночью, и днём
Прокаливал девушку над огнём,
И дымное пламя гончарных печей
Вилось и ласкалось у смуглых плечей.
На пятые сутки её поутру
Поставил он стынуть на свежем ветру.
И ветер, что с моря, крутясь, налетал,
Округлые груди, шутя, целовал.
И мастер рукой осторожной отца
Ей стёр эфиопскую сажу с лица.

2

Клубился в глазах её солнечный дым,
И море плескалось вином голубым,
И сосны вздыхали под шелест волны,
И рыжая белка глядела с сосны.
А рядом глазастый мальчонка стоял
И робко, невнятно ей что-то шептал.
Чуть-чуть осмелев, он поближе шагнул
И красное яблоко ей протянул...
Но девушка не шевельнула рукой,
И молча, смотрела на лёгкий прибой,
И тихо, сама улыбаясь себе,
Она не внимала безмолвной мольбе...
И мальчик заплакал и прочь побежал,
И ветер, играя, его провожал...

3

С деревьев не раз облетела листва.
Не раз проросла молодая трава.
И рыжая белка бельчат родила.

И рыжая белка уже умерла.
И снова, чуть воздух весною запах,
Бельчата резвились в сосновых ветвях.
А яблоко, в землю упав, проросло,
И дерево яблоневое расцвело.
Лишь розовым утром край неба расцвёл,
К той девушке юноша стройный пришёл
И белых магнолий душистый букет
Сложил перед ней, чтоб услышать ответ.
– Поверь мне, я жить не могу, не любя!
Ответь мне, не в силах я жить без тебя!
– Но девушка не шевельнула рукой,
И только смотрела на пенный прибой,
И молча сама улыбаясь себе,
Она не внимала горячей мольбе...
И юноша тихо поднялся с колен.
И тёмн стал только забрезживший день...

4

И снова менялись времёна годов,
И море смывало края берегов,
Гуляла по белому свету беда,
Горели разграбленные города...
Как блудные дети приходят к отцу,
Шло ясное рыжее лето к концу.
И спелые яблоки дружной гурьбой
Уже дозревали на ветке родной.
А девушка глиняная в глуши
Стояла без сердца и без души...
И к вечеру ближе из чащи кустов
Вдруг вышел мужчина, высок и суров,
И бросил к ногам её твёрдой рукой
Он меч, потемневший от крови людской.
– На чёрной триере я за море плыл.
И гордых троянцев повергли мы в пыль.
Где высились прежние их города,
Там плугом пропахана борозда.
Мы тысячами увозили рабов
С дымящих и воющих берегов.
Я – вождь непреклонный, мне имя – судьба.
Но все мои подвиги – для тебя!
...Но девушка не шевельнула рукой,
Безмолвно смотрела на шумный прибой,
Бездумно сама улыбаясь себе,
Она не вняла этой страстной мольбе.
И воин, помедлив, свой меч подобрал,
И горбясь понуро, он прочь зашагал...

А время текло неустанной рекой,
Косило людей неизбежной рукой,
Растило леса и растило хлеба,
Рождало поэта, царя и раба.
А в чаще, где тень холодна и густа,
Таилась ненужная красота.
Прошли чередою и ночи и дни.
И как-то в ночи замерцали огни.
Шли люди сквозь зарослей мрачный завал,
И ветер их факелов клочья трепал.
Их вёл через темень и лес напрямик
С повадкою властной высокий старик.
Он вышел и встал, горделив и суров,
И вышла за ним вереница рабов,
И каждый с глубоким поклоном слагал
Свой груз драгоценный к прекрасным ногам.
Здесь грудой, звеня и сверкая, легло
Чеканное золото и серебро.
– Проснись и гляди же – воскликнул старик —
Слова я на ветер бросать не привык.
Я власти достиг над обширной землёй,
Теперь я играю людскою судьбой,
Но власть и богатство тебе я отдам,
Как жертвы приносят великим богам!
Народы пред мною простёрты в пыли.
Так стань же богиней владыки земли!
...Клубился удушливый факелов дым.
Но девушка молча стояла пред ним,
В лице не менясь, не дрогнув рукой.
В ночи рокотал уходящий прибой.
С прерывистым шорохом рваных страниц
Червивые яблоки падали ниц.
И чёрными ветками сумрачный лес
Цеплялся за низкие звёзды небес...

И – крик. И – поднятая тяжесть жезла.
И хруст черепков. И молчанье. И мгла.

Баллада о якорь спасения

Говорит корабль:

Ударился ветер в наветренный борт,
И ближе стал Бог, чем ближайший порт.
А с борта другого, кусая прибой,
Оскалились скалы голодных зубов.
Я знал: до убежища не дотяну,
И якорь спасения бросил ко дну.
Нагнулись мачты, гудят русленя,
Но якорь спасения держит меня.
Он прочно схватился за крепкое дно,
И цепью мы связаны с ним заодно.
Меня и швыряет, и треплет, и бьёт —
Но держится цепь, и надежда живёт.
...Уходят на запад и ветер, и гром.
Спасибо, мой якорь, окончился шторм!
Далёкого плавания слышится зов,
Звучит обещанье других берегов.
Довольно, довольно на привязи быть!
Но якорь не хочет со дна выходить.
Он держит порыв мой... Я цепь расклепал,
И с криком конец её в воду упал.
О, парус желанья! О, память-струя!
И снова – движенье, и море, и я!
Одно лишь тревожит – а если опять
И буря, и скалы, и негде пристать?

Говорит якорь:

Я – якорь. Я лёг на коралловый риф,
Вонзил свои лапы, за дно зацепив.
Пусть цепью тащило меня и рвало,
Но я заклинился, порывам назло.
Я крепко держался, и он был спасён.
Я выполнил предназначенье своё.
...Но как же прекрасны – глубин тишина,
Кораллов причудливая белизна,
В объятиях рифа надёжный покой
И пёстрые стайки уютных мальков!
Но что же ослабла падучая цепь?
И где ж мой корабль – у неё на конце?
Куда ты спасённый? Чего нам искать?
...Я – якорь ненужный. Я брошен лежать.
Я тихо ржавею на медленном дне
В лазурной прозрачности влажном огне.
Дана мне спокойная воля моя.

Но что я такое – без корабля?

Баллада утёса

О семечке.

Стою.
Не двинуться.
Не избежать.
Стою, где сотворением поставлен.
Ложится, недоверием дрожа,
От воли ветра утыкаясь в камень
Моих плечей.
Укройся. Всё равно.
Пушинкой более, пушинкой меньше.
Велик ли груз – летучее зерно?
Коптилка жизни, не велик подсвешник?
Засохнет, думал.
Нет, забилося в щель,
Где с вёсен притаилась капля влаги.
Растроганно набухло.
Вдруг – зачем? —
Проклюнулось. Полезло к свету – глазом
взглянуть:
как там?
Зачахнет, пищи нет.
Скала сплошная, монолит зовётся.
Однакоже буравится во мне
И корешком тонюсеньким скребётся.
Смешно! Ну, можно чуть подуступить,
Из минералов даже воду выжать.
Давай уж, коль взялось, так и расти!
Конечно, я не почва.
Трудно выжить.

О сосне.

Вздремнул немного, тридцать – сорок лет?
И не скажу – считать такую мелочь!
Мир – тот же. Тот же климат. Звёздный свет.
Всё тот же час на циферблате —
вечность.
Но что там заворчалось сейчас,
Внутри меня, всё в недра забираясь?
Никак она? Ну, да – моя сосна.
Однако ж вымахала ты, родная!
Добро бы, если б лезла в высоту —
Такая уж у вас, дерев, планета —
царапай небо, рви ошмётки туч
колючепёрыми крылами веток!

Но эти корни в глубине меня...
У той,
что только капельку просила,
Когда была не дерево – фигня,
Какая разрушительная сила!
Взялась! Сжимает, лезет, и крошит,
И клинья трещин загоняет в тело...
Послушай, ты!
Ведь я же монолит!
Ты понимаешь хоть, что ты наделала?

О себе.

Не понимает...
Медлен мой язык.
Секунды слов моих – десятилетия
Её работы – суеты живых...
Уже в расщелинах гуляет ветер.
Уже вода протачивает путь
В глубокие дырявые глазницы.
Песок летучий выщербил мне грудь,
Во впадинах плечей гнездятся птицы.
Я трескаюсь от солнечных лучей,
И замерзание льда крушит мне рёбра.
В кавернах недр,
в провальной черноте
Гниение глины началось недобро.
Ну, что ж!
Готовьте на поминки снедь.
Как мохом обрастаю я кручиной.
И горько мне, и неохота мне
Сказать,
что ты тому первопричина.
О, дерево, взлетающее ввысь!
Не попрекай меня, что слишком сух я.
Расти.
Безумствуй в небе.
Берегись!
Твоя опора
очень скоро
рухнет.

Баллада о плотах

В русле житейской прозы
Мудро плывёт латынь —
Спиленные берёзы,
Связанные в плоты.

Варварского железа
Натиск неоспорим.
Телом своим полезен,
Пал белоствольный Рим.

Был веселее марша
Бензопилы мотив.
Пали берёзы в марте,
Почек не распустив.

В памяти их паденье,
Пытки стальной скобой,
Тысяча вёрст течения,
И – смирение с судьбой.

Реки в разводах нефти,
Чайки крикливый стих,
Бури пенные плети
Стали уделом их.

Но, сохранённый летом,
Жил всемогущий сок.
Каждый обрубок веток
Выпустил свой листок.

Люди, дивясь, глядели:
Зеленю облиты,
Плыли и молодели
Радостные плоты.

Кратким случайным счастьем
Жили тела берёз...
Будет за ливнем частым
Очень спокойный плёс.

Примет осени устье
Замершие тела,
Взвоят над ними грустно
Циркульная пила.

Ибо чужды и лишни,
Там где железа речь,
Тонкие души листьев,
Древний язык дерев.

Баллада о голавле

*В подводном царстве, как и на земле
Есть представленья о добре и зле.
Шекспир «Перикл»,*

1.

У рыб иной обмен веществ, и Брем нам говорит,
Что, мол, отсутствует у них понятие «болит»,
Мол, кровь холодная у них, и нервных нет систем.
Зачем тогда о рыбах стих? Но рыбой не был Брем.
Вам ихтиолог никакой не сможет рассказать,
Что видит окунь под водой в огромные глаза,
Что знает щука перед тем, как на ерша напасть,
Что чувствует, к примеру, ёрш, попавши щуке в пасть.
Лишь тот, кто лично побывал в ребристых чешуях,
Об этом точно б вам сказал... Так вот, о голавлях.

2.

Аксаков пишет – он, де, вот,
желец прохладных чистых вод,
не одобряет лишний шум,
имеет странный рыбий ум
и осторожный зоркий взгляд,
большеголов и брусковат,
с чёрнокаёмчатым хвостом...
Я, впрочем, малость не о том.

3.

В характере у голавля такая есть черта —
весьма не любит он крючка. Для рыбаков – беда!
На воду тень ли упадёт, шаги ль на берегу —
лови хоть целый день его, он даже ни гу-гу.
Лишь там, где не видать людей, вдали от их снастей,
Порой взметнётся над водой серебряная тень.
Удар хвоста, и звонкий плеск, и сильные круги —
и снова тишина и блеск подсолнечной реки.

4.

Ещё и солнце не взошло,
И под водой темно.
Ещё синё и тяжело
Уступчатое дно.
Но плеск и запах в глубине

Нарушили покой
И шевеление во сне
Бессонных плавников.
В природе голод, как и встарь,
По-прежнему всесильный царь.
Какой заманчивый червяк!
Нет, что-то здесь не так!
Обходит раз, обходит два,
Дуреет рыба голова...
Ну, брат – так брат!
Бросок, и вот – одним глотком
Берёт взаглот,
Гнушаясь ожидать подвох,
Презрев своё чутьё...
Удар! – и в горло глубоко
Вонзилось остриё...
Так значит, глуп? Иль не видал
Ни леску, ни крючок?
Ну, что ж, и люди иногда
Доверчивы как он.
Идут и люди на крючки,
Как мотыльки на свет.
Так, значит, просто дураки?
А может быть, и нет...
Но что же там, над синим дном,
Под зеркалом немым?
А он – рывком, и кувырком,
А жилка – аж звенит!
Он вверх, и вниз, и вкось, и вбок,
В спасенье тин и трав,
В убежище коряг – рывок!
И, леску оборвав...

5.

Плывёт, глотая воду ртом.
Из жабер кровь струится.
Железо в горле. Рыбий стон
Кому слышать случится?

Кто скажет – больно или нет?
Ведь он молчит, чудак.
Ну что, вы спросите – померёт?
Возможно, что и так.

А может, выживет – и тем
себе обязан сам —
но с недоверием ко всем
приманкам и крючкам.

6.

Он молчалив. Он даже нем.
А если бы и мог,
легко ли поделиться с кем,
как ты глотал крючок,
не понимая, что и как,
рвался, к обману зол,
и на дозволенных кругах
по чуждой воле шёл,
как рвал невидимую нить —
мучение своё,
что в жабрах до сих пор сидит
стальное остриё?
И каждый вздох... но что о том?
Должно понятно быть.
И люди же, в конце концов,
произошли от рыб.

Баллада о том, как я ходил к чёрту

Меня послали. Я пошёл.
Чёрт вышел. Он был очень зол.
Имел слегка помятый вид,
Был основательно небрит.

– Послали? – буркнул он. – Ага.
– Ну, посиди-ка тут пока.
Вас нынче, прям, невпроворот.
И шлют, и шлют, кому припрёт.
И прут, и прут, кому не лень.
И так, подумай, целый день!
Сошёл с ума весь белый свет!
Как будто бы инстанций нет!
Взгляни в приёмную – кишат!
И каждый прав, и каждый свят,
У всех свой гонор, лес обид,
И каждый лично норовит,
И с каждым нужно... Тыфу на вас!
Чуть не ругнулся вот сейчас!...
А у меня – свои дела!
А у меня – жена была!
Ты что смеёшься? Ей же, ей —
Её не видел я семь дней!
Тот, наверху-то не такой,
Он выходной на день седьмой!
И чертенятам нужен глаз —
Им нынче ведьма – не указ!
И к чёрту – план, и к чёрту – вал,
Когда идёт такой аврал!
Я, по душе специалист,
Сижу здесь как бю-ро-кра-тист!
Такие выпадают дни...
Ну, если что, ты извини.
Вот, выскочил перекурить,
Да по душам поговорить...

– Послушай – говорю ему —
Ведь я же не по своему...
Ты здесь, я вижу, как в аду.
Так, может, лучше я пойду?
И как-нибудь зайду потом?
Чёрт подобрел, крутнул хвостом,
– За то спасибо, удружил,
Мне очередь подразгрузил!
Сознательные тоже есть.

Я к ним всегда... Сочту за честь!
Ну, если очень уж припрёт,
Ты приходи с других ворот.
Там спросишь, где мой кабинет,
Без очереди – дуй ко мне!
Чайку сварганим, посидим,
Да об душе поговорим...
– Спасибо – говорю ему —
Не задохнись там, в дыму!
– Вот накалили, спасу нет!...
И он вернулся в кабинет.

А я пошёл отнюдь и вспять,
И шедших к чёрту стал считать.
И насчитал сто сорок семь.
А после сбился я совсем.

Баллада о мятежной корове

1.

Кормёжка в срок, и дойка в срок,
пасись и пей – и весь урок.
В хлеву – тепло, в лугах – простор,
какой тут разговор?
Но вечно в стаде – не пустяк!
Уже терпенье через край,
уже обрыдло слушать лай
назойливых собак,
и вечно вспоминать про кнут,
и мнение терять в толпе...
И зреет бунт, и зреет бунт
в коровьей голове...

2.

И вот мычит – доведена
слепнями и жарой она.
– Довольно, я не тёлка вам! —
и мчится по лугам.
Всё стадо – удивленья вздох,
ещё не видели таких!
Спешат собаки, пастухи —
сплошной переполох!
А в ней разыграл свободы бес.
О вольности ревя навзрыд,
она галопом скачет в лес,
во всю коровью прыть...

3.

Ну, запыхалась, но зато
какой ассортимент цветов!
И, к торжеству коровьих прав,
богатый выбор трав.
Итак, вольна! Сама решай,
чего жевать и где лежать,
когда дремать, когда мычать.
Ну, чем не скотный рай?
Презренна стадная тюрьма!
Бурёнке смелой – похвала!
И вот она себе сама
хозяйкой зажила,
такая вольная! Пока
она не встретила быка.

Притча про Остров Блаженных

Путешественник рассказывал,
Воротясь из дальних стран:

«Бирюзовый и топазовый —
беспределен океан!

Если плыть вот в эту сторону
ровно тридцать девять дён,
там, за радугой просторною,
некий остров быть должен.

Люди там живут блаженные,
без недугов и забот.
Фрукты там растут отменные,
Прямо, сами лезут в рот.

Там жильё совсем беспечное —
всех делов-то – спать да есть.
И хотя весна там вечная,
но у всех дублёрки есть.

Там престижны все, как визири,
каждый в золоте халат.
И цветные телевизоры
в каждой комнате стоят.

А красавицы блаженные
все брильянтами горят,
до того интеллигентные —
говорят и говорят.

Там гостей за белы плеченьки
девы в баню водят мыть.
Ну, а чем текут там реченьки —
лучше и не говорить!

Каждый день у них потехи там —
всякий музыкальный свет.
Там в порядке вся сантехника.
Дефицита тоже нет.

Нет там сирого и нищего,
что кручинил бы главу...
Только мне там делать нечего —
я туда не поплыву!»

Притча о разделении властей

(Девяносто третий год)

То не князь в поход помчался,
Не мужик в поля собрался,
Не купец спешит на рынок —
Вылетает Змей Горыныч.
Стонет лес, горит трава...
Речет главная глава,
Наливая кровью глаз,
– Ух, как я их всех сейчас!
Шею кольцами свивая,
Вторит ей глава вторая,
Хитро шуря третий глаз,
– Ух, как ты их всех сейчас!
...А в головушке во третьей
Всё, видать, гуляет ветер,
То молчала, а потом
– Как же лепо всё кругом!
Говорит глава в серёдке
– Что за тон смиренно-кроткий?
Что болтаешь? Чем ты дышишь?
Почему огнём не пышешь?
...И вторая, тут как тут
– Пожалела лепоту!
Ну а та своё канючит:
– Вот, подняться б выше тучи,
Полететь далёко, скоро,
Не спускаясь для разора!
Надоело это свинство:
Пепелища, плач вдовы...
– Нарушение единства!
– Завопили две главы.
И пошла качать права
Самоглавная глава,
И, поспешно подпевая,
Подхалимствует вторая,
Той, которая большее,
– Так её, куси за шею!
Третья им – Чего нам драться?
Мы же сёстры! Что вы, братцы?
Я шутила, мне чура!
Чтоб Добрыня вас побрал!
...Смотрит жалкими глазами.
Где там, сёстры!
Растерзали!

Притча о мрачном скоморохе

Как лягушки или блохи
Расскакались скоморохи.
Зубоскалят, точат лясы
С хохотком и переплясом.
Все смешливы, чернорожи,
Друг на друга все похожи.
Отличает лишь наряд
Их попов от чертенят.
А один отдельно бродит,
Хоровод ни с кем не водит,
Морда постная такая,
Не при деле балалая,
Бубенцами не бренчит,
Смачных шуток не кричит,
Не смешит, не тешит он —
Знать, в искусстве не силён.

Мамка чаду говорила:
Не гляди на это рыло!
Меж собой гудят бояре —
Не уважил государя!
А боярыни судачат —
Што за шут, который плачет?
Все согласны: худ и плох
Этот мрачный скоморох.

Проходили оборванцы,
Мужики и голодранцы.
Головами повертели.
Было им не до веселья.
Бирючи их отогнали,
Малость им бока намяли.
То-то смеху! Что за вздох?
Это – мрачный скоморох...

– Портит праздник нам, паскуда!
– Ну-ка, ты, пошёл отсюда!
– Людям надобна услада!
– А таких, как ты – не надо!
...И пошёл по белу свету.
Горя – воз, а слова – нету.
Видно, в самом деле, плох
Этот мрачный скоморох.

Притча Диогена

К моим привычкам всяк уже привык.
Со мной, как с неизбежностью, смирились.
Лишь чужестранец, или же шутник,
Своим вниманьем мне окажут милость.
И горожанам, жаждущим иметь,
Уж примелькалась нищенская бочка.
Ведь должен кто-то и не разуместь,
Что есть благополучия цветочки.
Я достопримечательностью стал.
Судачат обо мне дворцы и рынки,
То возведут меня на пьедестал,
То вышвырнут в отхожую корзинку.

Толпа мельтешит в скудной суете —
Аристократы, шлюхи и калеки,
А я иду, как будто в пустоте,
Бреду, разыскивая человека.
Эх, где же он? Когда же он придёт?
Ношу своё с собой. Тут видел – из ладошек,
Над родником склонившись, мальчик пьёт —
И выбросил ненужным ставший ковшик.

Заглянет друг, мой давний, добрый друг,
Мол, жить меж свалкою и пустырём негоже.
– Дели со мною пищу, кров, досуг,
Нам откровенья мудрости умножа.
Что от людей себя отъединять,
Свои таланты в землю зарывая?
– Благодарю, мне нечем вам отдать,
Я знаю лишь, что ничего не знаю...

Восход луны шакалы возвестят.
И женщина придёт полуукрадкой,
Полой химатиона шелестя,
Распространяя миро запах сладкий.
– Ты одинок и одинока я.
Приди и будь в моём доме хозяин.
Фальшивят лицемерные друзья,
Ты им лишь для потехи обезьяна.
А я тебя заботой окружу.
Тебя умыть – и ты вполне пригожий.
Не так уж ты и стар, как погляжу.
Пойдём, я приготовлю баню, ложе...
Что отвечать? Тихонько улыбнусь.
Уйдёт, сандалями стуча сердито...

Один останусь. Можно и всплакнуть,
И посмеяться, и уснуть забытым.

...А нынче вот пришёл из дальних стран
Бездельник-царь с ордой победоносной.
И донесли – мол, есть такой болван,
Ну, комик, прям, а бочка – что подмости.
Подходит – крепкомясый, молодой,
Одет роскошно, взгляд неукротимый,
Мир попирающий своей пятой,
И города пускающий по дыму.
И вроде, не дурак. А говорит
– Что сделать для тебя, философ нищих?
Взять ко двору? Казною одарить?
Распорядиться, чтоб давали пищу?

Он – там стоит. Я – здесь сижу, в тени
Толпы его приспешников мордастых.
– Здесь много тени, – говорю, – взгляни
И отойди, мне солнышка не засти.

Притча о человеке, носившем дверь

Кто с ношею бредёт. Кто бродит налегке.
Кому-то цель близка. Другому – вдалеке.
Тот – близкий всем сосед. А тот – из дальних мест.
Кто тащит свой кошель. А кто несёт свой крест.

А у того изба сгорела вся до тла
Повымерла семья, и плохи все дела.
И на спину взвалив, таскает он теперь
Последний странный скарб – обугленную дверь.
Не с тем, чтобы иметь себе нехитрый кров
От солнца и дождей, от снега и ветров.
Не потому, что ей какая-то цена.
Не оттого, что связь с пережитым она.
Совсем не потому, что больше ничего
В сиротстве поздних дней не будет у него.
Совсем не оттого, совсем не потому
Разматывает он дороженьки тесьму.
Идёт, склонив главу, как будто бы винясь.
Томит нескладный груз, и затекла спина.
И негу больше сил – хоть тут и помирай.
Но белый свет широк. И есть ли свету край?

И топают ступни, усталостью пыля.
А мимо – города, посёлки и поля,
Запретных черт и тем надуманная блажь,
Кинотеатров бред и мудрость распродаж,
Содомная толпа у парков и пивных,
Никчемных пустошей бесплодно чахлый стих...
И гогот из других, устроенных дверей:
– Куда он прёт её? Ну, что за дуралей!

А добрый человек, попутчик или друг
Промолвит: – Чай, устал? Давай-ка помогу!
Но отвернув лицо, закрытое слезам,
Он выдавит в ответ: – Да нет, я должен сам...
Тот малость помолчит, в сочувствии сробев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.